

УДК 323.1 + 314.8
ББК 66.3 (2Рос),5 + 60.7 (237)
Г 71

Е.М. Горюшина,
научный сотрудник лаборатории политических исследований, Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79034631956, e-mail: esherder@gmail.com

АНТРОПОЛОГИЯ ЧЕЧЕНСКОГО ВНУТРЕННЕГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ¹

(Рецензирована)

Аннотация. На основе долгосрочного исследования, посвященного изучению войн и конфликтов на Юге России, в статье приводятся основные демографические потери постсоветского периода. Отдельное внимание уделяется демографической цене двух этапов чеченского внутреннего вооруженного конфликта (1994-1996 гг. и 1999-2000/2009 гг., если считать завершением снятие режима контртеррористической операции, то 2009 г.). В эволюции КТО было зафиксировано три основных периода: 1) общевоинской армейской операции (1999–2001), 2) комплексной контртеррористической деятельности (2002–2005 г.); 3) совокупности локальных КТО (с 2006 г.). Постсоветские конфликты по определенным причинам не позволяют использовать широкий спектр источников, среди которых ключевыми могли бы быть архивные документы. Поэтому предлагается обращение к источникам по антропологии конфликта, представляющих собой не только русскоязычные работы, но иностранные комплексные исследования. Вследствие нехватки источников и (или) возможной недостоверности содержащихся в них сведений исследователи нередко прибегают к расчетным оценкам. В частности, в статье рассмотрены выводы шведского ученого К. Цюрхера. Делается вывод о необходимости изучения и сравнения различных источников для формирования целостного понимания конфликта в максимальной полноте его проявлений.

Ключевые слова: Северный Кавказ, антропология конфликта, демография, демографические потери, война, конфликт.

E.M. Goryushina
Researcher, Political Research Laboratory, Southern Research Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, ph.: + 79034631956, e-mail: esherder@gmail.com

ANTHROPOLOGY OF THE CHECHEN INTERNAL ARMED CONFLICT: DEMOGRAPHIC LOSSES

Abstract: Based on a long-term study (CTO) of wars and conflicts in the South Russia, the article presents the main demographic losses of the post-Soviet period. Special attention is paid to the demographic cost of the two stages of the Chechen internal armed conflict (1994-1996 and 1999-2000 / 2009, if we consider the completion of the counter-terrorism operation (CTO) removal, then 2009). In the

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ №17-18-01411 в 2020 г.

evolution of the CTO, three main periods were recorded: 1) a combined-arms army operation (1999-2001), 2) comprehensive counter-terrorism activities (2002-2005); 3) a set of local CTOs (since 2006). For certain reasons, post-Soviet conflicts do not allow using a wide range of sources, among which archival documents could be key. Therefore, it is proposed to refer to the sources on the anthropology of the conflict, which are not only Russian-language works, but foreign complex studies. Due to the lack of sources and (or) the possible unreliability of the information they contain, researchers often resort to calculated estimates. In particular, the article examines the conclusions of the Swedish Scientist K. Z rcher. It is concluded that it is necessary to study and compare various sources to form a holistic understanding of the conflict in the maximum completeness of its manifestations.

Keywords: North Caucasus, anthropology of conflict, demography, demographic losses, war, conflict.

В начале последнего десятилетия XX в. Юг России и сопредельные страны ближнего зарубежья стали ареной наиболее кровопролитных столкновений, которые, по сути, являлись региональными войнами, поскольку происходили с участием регулярных войск и использованием тяжелого оружия (конфликты в Абхазии, Южной Осетии, Чечне и др.). Прямые безвозвратные потери населения южных регионов России в вооруженных конфликтах постсоветского периода составили примерно 49–62 тыс. чел., из которых около 80% были связаны с чеченским кризисом и его военным урегулированием, 8–10% пришлось на деятельность северокавказского бандподполья и комплекс силовых мероприятий по его ликвидации. В региональном разрезе максимальные потери понесло население Чеченской Республики, которая в 1990-е гг. являлась обществом «при войне» (в периоды обострения вооруженного конфликта превращаясь в общество «на войне», в жизнедеятельности которого война, не являясь центральным принципом организации и алгоритмом развития, занимала значительное место, сказываясь на основных социальных сферах).

Концепты «общество на войне» и «общество при войне» предложены для дальнейшего теоретико-методологического обоснования научно-исследовательским коллективом в рамках проекта РНФ в ЮНЦ

РАН. Также в данной статье используется термин «чеченский внутренний вооруженный конфликт» - согласно документу «Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации» (утвержден министром обороны РФ 08.08.2001).

Только прямые демографические потери республики составили порядка 38–50 тыс. чел. (3–4% населения, в т.ч. 5–6% титульного народа). Черты воюющего общества в первой половине – середине 1990-х гг. просматривались в жизнедеятельности ряда других республик Северного Кавказа (в т.ч. Северной Осетии – Алании и Ингушетии). В постсоветских вооруженных конфликтах погибло 4-4,7 тыс. жителей Дагестана (0,15-0,2% населения); 1,3-1,55 тыс. населения Северной Осетии (0,18-0,22%); 1,6-1,9 тыс. жителей Ингушетии (0,35-0,4%). По 0,8-1 тыс. чел. потеряли в вооруженных конфликтах Ставропольский край и Кабардино-Балкария, 640-900 чел. - Краснодарский край, 540-700 чел. - Ростовская, 360-450 чел. - Волгоградская, 170-200 чел. – Астраханская области.

Комплексный анализ безвозвратных потерь российской армии, понесенных в ходе контртеррористической операции (КТО) на Северном Кавказе (август 1999 – 2012 гг.), потребовал обращения к различным источникам. В качестве эмпирической базы исследования была

использована «Книга памяти» (более 3700 погибших военнослужащих).

В эволюции КТО было зафиксировано три основных периода: 1) общевойсковой армейской операции (1999–2001 гг.) – 2416 погибших (64,9%), 2) комплексной контртеррористической деятельности (2002–2005 гг.) – 1059 чел. (28,4%); 3) совокупности локальных КТО (с 2006 г.) – 248 чел. (6,7%). В пространственном распределении армейских потерь по территории России также отчетливо фиксируются три этапа – федеральный, южнороссийский, северокавказский. На первом (1999 – середина 2000-х гг.) потери несли военнослужащие практически со всей страны (55-75 регионов), и эти потери коррелировали с размером населения крупных регионов России. На втором (2007–2010 гг.) – основная масса погибших приходилась на солдат и офицеров ЮФО и СКФО (15-24 региона). На третьем этапе (начало 2010-х гг.) значительная доля потерь пришлась на военнослужащих республик Северного Кавказа. В целом за все время КТО на уроженцев Юга России пришлось 26% всех погибших российских солдат и офицеров (967 чел.). В первой десятке регионов страны, понесших наибольшие безвозвратные потери, - шесть территорий юга страны (первые четыре места по этому показателю занимали Чеченская республика – 225 чел., Краснодарский край – 155 чел., Ростовская область – 142 чел., Ставропольский край – 141 чел.). Расселенческая структура погибших обнаруживает среди рядового и сержантского состава преобладание представителей сельских территорий (56,8% погибших), обусловленное, помимо других причин, призывом на срочную службу преимущественно сельской молодежи. Офицерский корпус не имел этой особенности. Национальная структура погибших военнослужащих обнаруживает представителей всех основных народов страны. В

большинстве случаев их доля в армейских потерях была приближена к удельному весу данных народов в общем населении России: восточные славяне составляют 3,07 тыс. погибших (82,6%), народы Северного Кавказа – 308 чел. (8,3%); народы Поволжья – 224 чел. (6,0%). По мере трансформации КТО из общевойсковой операции в деятельность по борьбе с исламистским подпольем доля представителей Северного Кавказа в армейских потерях росла и в 2010-2012 гг. составила 45-60%.

Наряду с завершающим этапом КТО на Северном Кавказе, в 2008 г. происходит обострение грузино-южноосетинского конфликта. В августе противостояние переросло в интенсивные боевые действия с полномасштабным участием российской армии. Весной 2014 г. начинается затяжной военный конфликт на востоке Украины, также сопредельном Югу России региону. Таким образом, именно в постсоветский период Юг России оказался вовлеченным в максимальное число локальных войн и вооруженных конфликтов.

Очевидна главная особенность изучения демографических потерь в результате постсоветских конфликтов: появляется множество местных, региональных и федеральных средств массовой информации, стремящихся осветить вооруженные действия, зафиксировать и даже подсчитать потери. Постсоветские конфликты конца 1980 - начала 1990-х гг. требуют изучения разнообразного пласта источников, в число которых должны быть включены отчеты правозащитных и гуманитарных организаций, так или иначе вовлеченных в процесс урегулирования ситуации, повседневной защиты и сопровождения жертв конфликтов. Не стоит исключать и официальные документы конфликтующих сторон с допущением, согласно которому заинтересованные стороны могут намеренно уменьшать или завышать количество пострадавших. Отдельно

стоит отметить общественные инициативы, занятые поиском без вести пропавших.

Особое место в череде постсоветских конфликтов занимает внутренний вооруженный конфликт в Чечне и его демографические последствия (1994-1996 гг. и 1999-2000/2009-х гг.). Последствия вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики стали предметом анализа зарубежных и российских демографов. Отдельные публикации отражают диаметрально противоположные точки зрения на происходившие процессы в Чечне в 1994-1996 гг. и 1999-2000 гг.: одни описывают их как «геноцид нетитульных национальностей», другие делают выводы о «геноциде чеченского населения». Польский ученый О. Надскакула подчеркивает «имперское измерение» чечено-русских взаимоотношений в XX – начале XXI вв., направленное на «окончательное завоевание Кавказа, даже если бы это означало истребление чеченской нации, а вовсе не ассимиляцию чеченцев и мирное разрешение давно назревавшего конфликта» [1].

Разнообразие оценок человеческих жертв чеченского внутреннего вооруженного конфликта, так или иначе, приводит к общему количеству погибших в десятках тысяч человек. Куда большие цифры фигурировали в заявлениях политиков (российских, зарубежных и ичкерийских) или в докладах некоторых правозащитных организаций. Согласно им, масштабы потерь составили: 80 тыс. человек – А. Лебедь; 75-95 тыс. – М. Ибрагимов; 100 тыс. – З. Яндарбиев; 100 тыс. (только в период 1994-1996 гг.) – Г. Явлинский; 200 тыс. – Т. Джабраилов, Д. Рогозин, Ф. Саркози; 250 тыс. – А. Масхадов; 300 тыс. – Д. Абдурахманов [2, 3].

Из множества экспертных оценок наиболее детальными представляются расчеты, выполненные российскими специалистами в области демографии и миграции населения

С.В. Рязанцевым и С. Максудовым, а также шведским исследователем К. Цюрхером. Согласно С.В. Рязанцеву, в двух этапах конфликта российские силовые структуры потеряли от 8,5 тыс. до 10 тыс. человек. Эти потери почти поровну распределились между двумя этапами конфликта. Потери чеченских незаконных вооруженных формирований (НВФ) составляли от 15,1 тыс. до 16,3 тыс. человек. Но едва ли не подавляющая часть из них пришлась на второй этап (примерно 86%). Убыль гражданского населения находилась в пределах 30-35 тыс. человек, из которых 82-85%, по мнению данного исследователя, также пришлось на 1994-1996 гг. Таким образом, общие безвозвратные потери за все время конфликта составили порядка 54-62 тыс. человек.

Комплексное исследование демографической цены чеченского конфликта выполнил шведский исследователь К. Цюрхер. Анализируя потери российских военных в 1994-1996 гг., он пришел к выводу, что официальная цифра в 4 тыс. человек является заниженной и не включает погибших сотрудников МВД и других правоохранительных органов. По его оценке, реальные потери российских силовиков составили 7,5 тыс. человек [4]. Оценивая потери чеченских НВФ в 1994-1996 гг., К. Цюрхер делает оговорку, что, по данным самих чеченских сепаратистов, они исчислялись в 2-3 тыс. человек. Эти же цифры приводятся в работе британских журналистов К. Галла и Т. де Валла «Чечня: маленькая победоносная война» [5]. Д. Данлоп называет несколько большую цифру – 4 тыс. человек, которую шведский исследователь признает достоверной [6].

При оценке потерь мирного населения республики в 1994-1996 гг. К. Цюрхер в целом сходится с расчетами сотрудников правозащитного центра «Мемориал», согласно которым в республике погибло около 50 тыс. человек (из них половина во

время штурма Грозного) [4; 83]. Однако данный расчет, выполненный правозащитной организацией, был связан с целым рядом серьезных допущений, некорректный характер которых был зафиксирован так же и С. Максудовым. Детально проанализировав использованную «Мемориалом» методику, он пришел к выводу о «нулевой достоверности» полученных правозащитниками результатов [7; 67].

Однако не только штурм столичного города Чечни привел к масштабным потерям среди мирного населения. Как пишет К. Цюрхер, «зачистки» других чеченских городов и аулов также повлияли на рост общего числа погибших мирных жителей: «Многочисленные, зачастую бессмысленные «зачистки» российской армии стоили многих жизней. Наконец, до 8 тыс. человек буквально «исчезли» в фильтрационных лагерях, созданных МВД с целью отсеивания боевиков от мирных жителей. Эти бесчисленные и массовые нарушения прав человека были детально задокументированы» [4; 100].

В подтверждение своей точки зрения К. Цюрхер приводит материалы ряда известных правозащитных организаций и работ исследователей, в которых отражены кейсы нарушения прав человека во время военных действий в Чечне, в том числе отчеты «Хьюман Райтс Вотч» (1995) [8], (1996) [9], результаты независимого расследования Наблюдательной миссии правозащитных общественных организаций в зоне вооруженного конфликта в Чечне «Всеми имеющимися средствами...» (1995) [10], доклад «Условия содержания задержанных в зоне вооруженного конфликта в Чеченской Республике: обращение с задержанными» (1995) [11].

Совокупные потери российских военных, чеченских НФВ и мирного населения на первом этапе чеченского вооруженного конфликта К.

Цюрхер определяет в 50 тыс. человек, допуская, что реальная их величина могла быть как меньше, так и значительно больше (возможный диапазон – 20–100 тыс. человек).

Демографические потери второго этапа чеченского вооруженного конфликта [К. Цюрхер использует выражение «чеченская война» (Chechen war), подразделяя ее на первую и вторую] он оценил примерно в 20 тыс. человек.

Федеральная группировка, по оценке шведского исследователя, могла потерять в 1994–1996 гг. около 4,5 тыс. человек, что совпадает с официальными данными представителей российских силовых ведомств. Однако при анализе потерь чеченских НФВ на втором этапе конфликта К. Цюрхер скептически оценивает данные, приводимые российскими властями, отмечая их крайне противоречивый характер: «В марте 2001 г. генштаб заявил, что в ходе «антитеррористической операции» в период между октябрем 1999 г. и мартом 2001 г. было зачищено свыше 10 тыс. боевиков. В начале войны тот же генштаб называл общее количество боевиков от 5 тыс. до 20 тыс. человек» [4; 100].

Используя сообщения агентства военных новостей АВН2, а также негосударственные прочеченские источники (в том числе функционировавший на тот момент веб-сайт Kavkaz.org), К. Цюрхер приходит к выводу о том, что потери чеченских сепаратистов в 1999–2002 гг. были в 1,5 раза меньше, чем у федеральной группировки, и составили около 3 тыс. человек. Таким образом, его оценка не совпадает с расчетами российских экспертов: С.В. Рязанцева, отмечавшего более качественную подготовку федеральной группировки на втором этапе вооруженного конфликта, позволившей повысить эффективность боевых действий в сравнении с 1994–1996 гг., и С. Максудова, согласно которому эффективность силовиков была достаточно

велика на обоих этапах конфликта. С учетом результатов противоборства на втором этапе конфликта (полное военное поражение сепаратистов и утрата ими значительной части кадрового потенциала) более достоверной в оценке потерь чеченских НВФ представляется точка зрения российских специалистов.

Исследуя масштабы потерь гражданского населения в 1999–2001 гг., шведский исследователь отмечает отсутствие официальных российских данных, а данные о потерях в 40 тыс. человек, приводимые чеченскими источниками и совпадающие с показателем первого этапа, К. Цюрхеру представляются завышенными [4; 100]. Он отмечает, что если в 1995 г. большая часть мирных жителей погибла во время зимнего штурма Грозного, то во вторую чеченскую войну население покинуло городское пространство к началу вооруженных действий.

По его мнению, если бы во время второго этапа вооруженного конфликта потери среди гражданского населения были бы столь же высоки, как во время штурма 1995 г., то они достигли бы 8 тыс. человек к февралю 2000 г. Продолжающиеся бомбардировки и зачистки населенных пунктов привели бы к еще более существенным жертвам уже к марту 2000 г. В итоге он делает вывод, что к августу 2001 г. потери могли составить порядка 13 тыс. человек, то есть были примерно в три раза ниже, чем на первом этапе военных действий. Свою оценку К. Цюрхер называет очень сдержанной. Впрочем, даже эта цифра в несколько раз

превосходит расчеты жертв мирного населения, выполненные российскими экспертами [12].

Постсоветские конфликты по определенным причинам не позволяют использовать широкий спектр источников (и особенно архивных документов). Таким образом, расширение ряда источников по антропологии конфликта требует обращения не только к русскоязычным работам, но и к иностранным комплексным исследованиям. Вследствие нехватки источников и (или) недостоверности содержащихся в них сведений исследователи нередко прибегают к расчетным оценкам и в отношении отдельных военных кампаний и сражений, как это было проделано К. Цюрхером.

Целостное понимание конфликта в максимальной полноте его проявлений представляет собой ключевую задачу для современной науки. При этом многие исследователи предпринимают попытки избежать схематизации понимания этнического конфликта, его искусственного расчленения на «акторов», «субъектов» и «участников», наряду с отказом от условного построения схематических моделей конфликтов, которые зачастую не соотносятся с реальностью. Анализ значительного массива источников для антропологического описания постсоветского конфликта позволит развить теоретико-методологические основания государственной и локальной политики, направленной на гармонизацию межэтнических и межконфессиональных отношений, регулирование демографических, этнокультурных и политических процессов [13].

Примечания:

1. Nadskakula O. The Genocide of Chechens in the Context of Russian-Chechen Conflict – a Historical Outline // The Person and the Challenges. The Journal of Theology, Education, Canon Law and Social Studies Inspired by Pope John Paul II. 2013. Vol. 3. № 2. P. 51–63.

2. Рязанцев С.В. Демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. Ставрополь, 2003. С. 26–77.

3. Рязанцев С.В. Последствия военных действий в Чеченской республике в демографическом, социальном и экономическом отношении // Демоскоп. № 211–212.

29 августа – по 11 сентября 2005 года / [Электронный ресурс] URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0211/analit02.php>. (Дата обращения: 14.03.2020).

4. Zurcher C. The post-Soviet wars: Rebellion, ethnic conflict, and nationhood in the Caucasus. New York, 2007. 302 p.

5. Gall C., De Waal T. Chechnya: A small victorious war. London, 1997. 416 p.

6. Dunlop J.B. How many soldiers and civilians died during the Russo-Chechen war of 1994–1996? // Central Asian Survey. 2000. Vol. 19. № 3–4. P. 328–338.

7. Максудов С. Чеченцы и русские: победы, поражения, потери. М., 2010. 482 с.

8. Human Rights Watch/Helsinki: Three Months of War in Chechnia. February. New York: Human Rights Watch. February 1995. Vol. 7. No. 6. / [Электронный ресурс] URL: <https://www.hrw.org/legacy/reports/1995/Russia1.htm>. (Дата обращения: 19.03.2020).

9. Human Rights Watch/Helsinki, Russia: (Chechnya and Dagestan) Caught in the Crossfire-Civilians in Gudermes and Pervomayskoye. March. 8–10. New York, 1996.

10. «Всеми имеющимися средствами...». Операция МВД РФ в селе Самашки 7–8 апреля 1995 г. Результаты независимого расследования Наблюдательной миссии правозащитных общественных организаций в зоне вооруженного конфликта в Чечне. М., 1995.

11. Условия содержания задержанных в зоне вооруженного конфликта в Чеченской Республике: обращение с задержанными. Доклад Наблюдательной миссии правозащитных общественных организаций в зоне вооруженного конфликта в Чечне. 1995. / [Электронный ресурс] URL: <https://memohrc.org/ru/reports/usloviya-soder-zhaniya-zaderzhannyh-v-zone-vooruzhennogo-konflikta-v-chechenskoj-respublike>. (Дата обращения: 07.03.2020).

12. Войны и население Юга России в XVIII - начале XXI вв. Демографические процессы и последствия. М.: Росспэн, 2019. 768 с.

13. Официальный сайт Института этнологии и антропологии РАН / [Электронный ресурс] URL: <http://iea-ras.ru/index.php?go=Nauka&in=view&id=142>. (Дата обращения: 01.04.2020).

References:

1. Nadskakula O. The Genocide of Chechens in the Context of Russian-Chechen Conflict – a Historical Outline // The Person and the Challenges. The Journal of Theology, Education, Canon Law and Social Studies Inspired by Pope John Paul II. 2013. Vol. 3. № 2. P. 51–63

2. Ryazantsev S.V. Demographic and migration portrait of the North Caucasus. Stavropol, 2003. P. 26–77.

3. Ryazantsev S.V. The consequences of hostilities in the Chechen Republic in demographic, social and economic terms // Demoscope. No. 211-212. August 29 - September 11, 2005 / [Electronic resource] URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0211/analit02.php> (Date of application: 03/14/2020).

4. Zurcher C. The post-Soviet wars: Rebellion, ethnic conflict, and nationhood in the Caucasus. New York, 2007. 302 p.

5. Gall C., De Waal T. Chechnya: A small victorious war. London, 1997. 416 p.

6. Dunlop J.B. How many soldiers and civilians died during the Russo-Chechen war of 1994–1996? // Central Asian Survey. 2000. Vol. 19. No.3–4. P. 328–338.

7. Maksudov S. Chechens and Russians: victories, defeats, losses. Moscow, 2010. 482 p.

8. Human Rights Watch/Helsinki: Three Months of War in Chechnia. February. New York: Human Rights Watch. February 1995. Vol. 7. No. 6. / [Electronic resource] URL: <https://www.hrw.org/legacy/reports/1995/Russia1.htm> (Date of application: 19.03.2020).

9. Human Rights Watch/Helsinki, Russia: (Chechnya and Dagestan) Caught in the Crossfire-Civilians in Gudermes and Pervomayskoye. March. 8–10. New York, 1996.

10. «By all available means ...» Operation of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the village of Samashki, April 7-8, 1995. Results of an independent investigation of the Observation Mission of human rights public organizations in the zone of the armed conflict in Chechnya. Moscow, 1995.

11. Conditions of detention in the area of armed conflict in the Chechen Republic: the treatment of detainees. Report of the Observation Mission of human rights public organizations in the zone of armed conflict in Chechnya. 1995. / [Electronic resource] URL: <https://memohrc.org/ru/reports/usloviya-soder-zhaniya-zaderzhannyh-v-zone-vooruzhennogo-konflikta-v-chechenskoy-respublike> (Date of application: 07.03.2020).

12. Wars and the population of the South of Russia in the 18th - early 21th century. Demographic processes and consequences. Moscow: Rosspen, 2019. 768 p.

13. Official site of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences / [Electronic resource]. URL: <http://iea-ras.ru/index.php?go=Nauka&in=view&id=142> (Date of application: 01.04.2020).